

Переводчик: Антония

К востоку от деревни посылались смешанные звуки гонгов и барабанов, непрерывные фейерверки, и люди разговаривали и смеялись...

Тогда Мо Цяньсюэ вспомнил, что это была свадьба Ли Кайши и Фан Тангера.

Сельские жители ценили женитьбу на жене, чтобы насладиться лучшей жизнью. Жена с детьми и теплая кирпичная постель создали идеальную жизнь.

За месяц до начала весеннего праздника каждый седьмой день отмечался, по крайней мере, один счастливый день. Так как эти два человека совершили бесстыдную вещь, то, конечно, лучше было бы им провести церемонию как можно скорее в случае возникновения новых проблем, которые могут неожиданно возникнуть.

Итак, по словам сестры Фан, две семьи быстро решили дату в ту самую ночь.

Как и ожидалось, семья Ли не приготовила много свадебного подарка, в то время как семья Фан предложила большое количество приданого. Женщина наверняка понесла бы убытки, если бы такое случилось до замужества. Ей должно повезти, что её не положили в ящик и не бросили в реку.

Несколько дней назад приехали родственники двух семей и пригласили ее на свадьбу, выпили немного счастливого вина и разогрели место.

Она отказала им под предлогом того, что была слишком занята. К ее удивлению, к двери появилась бесстыдная мать Фан Таоер и заставила ее присутствовать на свадьбе и выпить немного вина.

Мо Цяньсюэ сказал ей, что она слишком занята, чтобы уйти из мастерской! Но бесстыдная женщина постучалась в дверь и не хотела уходить. Пока она не услышала, что Мо Цяньсюэ сказала, что сестра Фан принесет деньги за подарок, она, наконец, ушла, довольная и радостная.

За столом ели только Нин Шаоцин и Мо Цяньсюэ. Атмосфера была приятной.

Когда Мо Цяньсюэ готовила, Ау зашла на кухню и попыталась помочь. В результате вся кухня задымилась и почти загорелась.

Мо Цяньсюэ хотела сделать ему выговор, но при виде этого темноликого человека, стоящего там с беспокойством и беспомощностью, ее сердце смягчилось, полагая, что ему тоже должно быть жаль, поэтому она просто нежным голосом выгнала его с кухни.

Асан увидел, что Аву изгнали, и испугался, что их дама подумает, что они бесполезны, поэтому он быстро собрал Аву, чтобы собрать огромную кучу дров и забрал их обратно.

Когда пришло время ужинать, Мо Цяньсюэ попросил их поесть вместе с ней и Нин Шаоцином, но одна пошла за водой, а другая стала подметать двор метлой. Хотя они не ответили, их тела, похоже, написали предложение, что они никогда не будут есть вместе с ними. Мо Цяньсюэ получил его.

Неважно. У этих древних людей было столько правил и странных привычек, что она перестала настаивать на том, чтобы меньше неприятностей было.

Она разделила еду и сохранила для них часть на кухне, прежде чем вынести их часть в гостиную и подать Нин Шаоцину, чтобы он поел. Так называемая подача сопровождала.

Услышав шум вон там, Мо Цяньсюэ случайно спросил его, когда он собирал овощи: "Шаоцин, почему бы тебе не прийти на свадьбу?".

"Почему? Разве ты не знаешь?" Нин Шаоцин положил палочки для еды, лицо холодное, как будто упоминание этих двух людей будет противно ему.

С изменением выражения Нин Шаоцина сердце Мо Цяньсюэ сжалось. Она просто пыталась найти тему и поболтать с ним! Но почему этой темой стали эти два бесстыдных человека?

Ладно, ладно. Поменяй другую.

Её глаза закатывались, как мысли, Мо Цяньсюэ кашляла и смеялась: "Ранее сегодня я пошла в особняк Цзянь". Цзянь Цинью был очень милым человеком. Она была красивой, доброй, держала меня за руку и устроила мне экскурсию по их саду..."

"Держал руку? Какую?" Тон звучал прохладно, и пара глубоких глаз смотрели на ее руки, как стрелы, просеивая слева направо, а затем обратно налево.

"Эм..." Что с ней сегодня было? Каждая тема, которую она придумала, была табу. Она не осмеливалась забыть то, что случилось в прошлый раз.

Она потерла лоб.

Мама. Должна ли она сказать, что это был чудесный день и этот взгляд на прекрасную луну?

"Этот..." Взгляд повернулся к её левой руке, и Мо Цяньсюэ нервно продолжил: "Нет... это не было..."

Его лицо выглядело сердитым, а глаза сместились к ее правой руке, она не была уверена и добавила ориентировочно: "Эта... казалась не... тоже...".

"Держала она тебя или нет?!"

Лицо Нинга Шаоцина становилось всё темнее и темнее, в то время как громкость Мо Кайнсю становилась всё ниже и ниже: "Нет... я неправильно запомнил..."

"Правда?"

Давление воздуха было чрезвычайно низким, так как виолончель стала резкой и сильной, прелюдией сильной грозы.

Замораживающий воздух низкого давления делал Мо Цяньсюэ очень неудобным и подавленным. Пытаясь найти выход, она как-то встала и закричала: "Да! Так и есть! Обе руки!"

Пусть так и будет. Ну и что? Что он мог с ней сделать?

Она просто держала женскую руку, а не мужскую. Зачем ей врать?

Двое глаз были у кинжалов!

Изначально, возвращаясь домой, Мо Цяньсюэ планировал спросить Нина Шаоцина, что такое настоящий Ци, и рассказать ему о странном старике...

Но когда она вошла во двор, она сначала испугалась двух холоднолицых дверных богов Асана и Аву, а затем отвлеклась на это, так что она совершенно забыла.

Она сделала что-то не так и отказалась признать это, и всегда имела физический контакт с другими женщинами! Какая плохая девочка!

Казалось, что ему действительно нужно было дать ей повреждение, в противном случае такие вещи должны происходить снова. Нин Шаоцин ударился о потолок, подняв Мо Цяньсюэ, закрепив руки за спиной, положив ее тело на плечо, и подошел к колодцу во дворе.

Асан и Аву делали во дворе кусочки и были шокированы на месте, где их господин нес их даму.

Господь был спокойным и самодовольным человеком с самого детства. Асан и Аву никогда не видели, чтобы он был в такой ярости. Что случилось? Что его так разозлило?

И все же, с другой стороны, повелитель больше походил на человека, когда вел себя так.

"Асан, твоя дама умывает руки. Иди и принеси воды."

Асан все еще был в шоке, в то время как Аву уже собрал воду, подарив ее господину и убежав без мужества смотреть на них вверх.

"Асан, почему ты все еще здесь? Тебе хватает дров?"

"Да, повелитель. Я получаю больше." Асан также ускользнул и исчез.

Теневой страж, который никогда не знал, что его повелитель может выпить столько уксуса, покачал головой в темноте и засунул в уши ватные шарики.

"Нин Шаоцин, чего ты хочешь?"

"Помойте руки и разъясните вам наши семейные правила. Если ты осмелишься прикоснуться или поцеловать Цзянь что-нибудь снова, я..."

"Ты что?"

"Я... я надеру тебе задницу".

"Смелее!"

"Давайте посмотрим"

"Поу-поу-поу". Три пощёчины на её дне.

"А... А..." Он действительно осмелился ее побить?!

Пощёчины пришли с громким звуком ветра, но, похоже, не было больно. Но это не было нормально, даже если не было больно! Это не было прощено! Никогда! "Нин Шаоцин, я не отпущу это..."

"Поу-поу-поу". Еще три пощёчины.

"Нин Шаоцин, прекрати..." Мо Цяньсюэ отчаянно пыталась отпереть руку и защитить свою маленькую задницу.

"Ты будешь слушать меня в будущем? Скажи мне, осмелишься ли ты в следующий раз?"

Сказав это, Нин Шаоцин бессознательно сделал похлопывание еще легче.

Теневой страж в темноте открыл ему глаза и выбрал его уши. Это был громкий гром с мелким дождем. Это можно назвать отоплением? Это было трогательно!

Рука, избивающая задницу, в конце концов превратилась в трение.

И хотя он не избивал ее, но к тому времени, когда они засыпали по ночам, его все-таки выгнала с кровати мстительная женщина во имя плохой спящей осанки.

Сбивая повелителя Нинга с кровати, женщина тайно улыбнулась. Как только ее желание исполнилось, месть от ударов по ее задницам мгновенно исчезает, как рассеивающие облака. Она с радостью разделила ноги, чтобы занять всю кровать.

Нин Шаоцин как-то покраснел при виде своей девушки, лежащей на всей кровати, особенно на ее позорной походке скольжения две ноги. Он беспомощно качал головой, выходя на прохладный воздух.

*

Когда хозяин и госпожа Цзянь вернулись в свой особняк по рапорту слуги, было еще не рано.

К тому времени старая госпожа получила иглоукалывание от старого господина Вана, приняла лекарство и защелкнулась, восстановив сознание и прислонившись к кровати.

"Я хочу, чтобы миссис Нинг была моей внучкой". Хотя в то время у старой мадам был инсульт и она не могла двигаться, ее сознание оставалось ясным.

Мо Цяньсю говорил и действовал в организованном порядке. Даже когда она разговаривала с Цзянь Цинью, она не показывала никакого запугивания.

Ее умение справляться с чрезвычайными ситуациями и способами их решения также продемонстрировали качества, отличающие ее от обычного человека.

Затем старая мадам услышала, что ее внучка и Мо Цяньсюэ считали друг друга сестрами. Эта фраза о бабушке была неумышленной, но содержала в себе искренность. Поэтому старая мадам была мотивирована. Теперь у нее уже была партия внуков, что плохого в том, чтобы иметь еще одну?

Такой литературный талант и первая помощь, а также вкусные торты - все это свидетельствовало о ее необыкновенном происхождении.

Воспринимать ее как внучку было, во-первых, способом выражения благодарности, а во-вторых, способом налаживания связей.

"Мама, пожалуйста, подумай хорошенько". В древние времена воспринимать аутсайдера как родственника было серьезной вещью, в отличие от простого слова в современную эпоху.

"Почему?"

"Подумай о своей личности и подумай о миссис Нинг". Как ты мог так упасть? Даже если поблагодарить ее за то, что она спасла вам жизнь, мы с таким же успехом могли бы сделать ей гораздо больше подарков благодарности".

"Блокхед!"

"Мам, я не нефилиален, но из-за ее низкоуровневой идентичности и неясного происхождения, которая может стать яблоком будущих разногласий..."

"О, да? Кажется, у меня больше нет права голоса в этой семье, да?" Этот сын был однонаправленным и упрямым, но считал себя умным. Старая мадам не хотела тратить время на споры с ним, поэтому она прямо заставила его признать себя его матерью.

"Мама, я не это имел в виду!"

"Ты не серьезно?" Но за то, что у нее только что случился инсульт, она обязательно поговорит с сыном о текущей ситуации. Он становился все более и более запутанным и все больше любил вмешиваться во внутренние дела.

"..." Видя, что его мать была немного раздражена, мастер Цзянь так боялся, что она может заболеть снова, что он сразу же встал на колени на земле. У госпожи Цзянь не было другого выбора, кроме как последовать за ним.

Как она могла оставаться на коленях после того, как ее муж встал на колени?

В следующую секунду дом всех людей опустился на колени. Как могли слуги остаться стоять после того, как их хозяин и госпожа встали на колени?

Сцена заставила старую мадам закрыть глаза, усталую: "Вы двое не так открыты, как Цинью, ваша дочь". Я считаю, что хотя сейчас госпожа Нин - простая деревенская женщина, она должна иметь необыкновенное происхождение и стать успешным человеком, от которого мы все должны зависеть".

Старая мадам не согласилась со словами сына, но все же пошла на компромисс: "Сколько лет

может прожить такая старуха, как я". Ничего страшного, принимаешь ты ее или нет. В любом случае, я принимаю ее как свою внучку от своего имени. Это не имеет никакого отношения к семье Цзянь".

Это означало, что если в будущем могут возникнуть какие-либо подводные камни из-за ее личности, то это не будет иметь отношения к семье Цзянь. Какая утонченная и хитрая старая мадам!

"Тогда, мама, я позволю моей жене Цзинь пригласить гостей и приготовить пир, чтобы отпраздновать это."

"Ненужно". Я принимаю ее от своего имени. Почему это как-то связано с твоей семьей Цзянь? Отступление. Я немного устал!"

"Да... пожалуйста, отдохните". Завтра я позволю Цинью навестить госпожу Нин и выразить нашу благодарность за спасение вашей жизни и нашу готовность принять ее в качестве внучки".

"Пусть Мобай пойдет с ней, чтобы показать нашу искренность". Заканчивая это, старая мадам помахала рукой: "Отступление". Неважно, насколько горяч наш разговор, возможно, она не захочет".

Хозяин и госпожа Джейн отступили, не поверив в это.

По дороге близкие слуга и няня подробно рассказали всю историю. Мадам Цзянь презирала: "Как отец, как сын. В конце концов, он сын наложницы".

Это была также клятва против мастера Цзяня.

Мастер Цзянь проглотил гнев, и он сразу же отругался: "Ты его законная мать". Почему ты не научила его? Весь внутренний двор под твоим контролем. Почему такое нечестие должно было случиться?" Эта наложница Ли была тонкой проституткой, которая была предложена ему в подарок. Он не уставал наслаждаться ею, потому что она не приходила долгое время.

Госпожа Цзянь не воспринимала его слова всерьез, высмеивая: "Ты так ее балуешь, что она даже не пришла поприветствовать меня". Как я мог осмелиться учить ее?"

Цзянь Цинью, следуя за ней, покачала головой и шагнула вперед: "Отец и мать, я устала и хочу отдохнуть". Потом она поклонилась и отступила.

Каждый раз, когда она становилась свидетелем такой ссоры, у нее болела голова. Ее мать всегда представляла себя как грациозную благородную мадам перед другими, но часто выступала против отца в роли синицы и никогда не улыбалась этим наложницам и их

СЫНОВЬЯМ.

К счастью, она росла рядом со старой мадам. Она лишь надеялась, что ее будущий муж не будет таким же хладнокровным, как ее отец.

Она слышала, что у Синь Иминя вообще не было женщин. Думая об этом, Цзянь Цинью не мог не улыбаться...

Позади нее были бесконечные препирательства ее родителей.

"Посмотри на себя..."

<http://tl.rulate.ru/book/14777/813792>